

УДК 371

А.М. Осипов

«БУМАЖНАЯ РАБОТА» И НОВЫЕ ТЕРМИНЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Статья посвящена проблеме реализации «нового образовательного менеджмента», формирующего реалии современной российской системы образования в терминах «бумажный вал», «бумажный прессинг», «бумажный геноцид». В статье обосновывается правомерность применения этих терминов в переносном смысле, уточняются их критерии и социальные контексты в целях заострить внимание специалистов в области управления образованием, педагогических работников, широких кругов общественности на проблемах, которые создают барьер на пути сохранения и инновационного развития российской системы образования.

Ключевые слова: система образования, маркетизация образования, новый образовательный менеджмент, «бумажный вал», «бумажный прессинг», «бумажный геноцид».

А.М. Osipov

«PAPER WORK» AND NEW TERMS IN RESEARCHES OF EDUCATION SYSTEM

The article is devoted to the problem of the implementation of the «new educational management», which forms the realities of the modern Russian education system in terms of «paper spate», «paper pressure», and «paper genocide». The article substantiates the legitimacy of the use of these terms in a figurative sense, clarifies their criteria and social contexts in order to sharpen the attention of specialists in the field of education management, teachers, and the general public on problems that create a barrier to the conservation and innovative development of the Russian education system.

Key words: education system, marketization of education, new educational management, «paper spate», «paper pressure», «paper genocide».

Реалии российской системы образования дали поводы для возникновения метафор, отражающих крайне острые состояния социального и профессионального самочувствия педагогических работников и функционирования образовательных организаций. Речь идет о входящих в повседневное использование, публицистические и научные дискурсы словосочетаниях «бумажный вал», «бумажный прессинг» и даже «бумажный геноцид». Их содержание находится на стыке политических, социальных и научных контекстов и требует пояснения.

Предваряя анализ этих терминов, заметим, что они связаны с распространенным понятием «бумажная работа». Бумажной работой называют целиком отдельные профессии (которые можно назвать офисными), а также значительные по объему и трудоемкости компоненты профессионального труда в разных отраслях, результат которых состоит в создании разнообразных видов ведомственных документов (отчетов, докладов,

планов, справок и пр.) на бумажных носителях (а теперь и в электронном виде). Работа в сфере образования по содержанию не является «бумажной», но в современных условиях функционирования системы «бумажный» компонент педагогического труда занимает все большее место как в процессе, так и в результате профессиональной деятельности педагога.

Формирование этой тенденции и вхождение терминов «бумажный вал», «бумажный прессинг», «бумажный геноцид» в профессиональный и научный язык в современной России в решающей степени обусловлено господствующим с 1990-х годов трендом образовательной политики [1]. Трансформация системы образования выразилась, прежде всего, в явных или скрытых формах маркетизации функционирования образовательных организаций и профессиональной деятельности педагога. Это закономерно сопровождается внедрением соответствующей принципам рынка технологии управления, получившей в

¹Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (18-18-00047).

мире название «новый образовательный менеджмент» (new educational management). В рамках данной технологии управления образование позиционируется в качестве услуги, вводящей в сферу образования роль потребителя, конкуренцию как основание бюджетного субсидирования, рейтингование образовательных организаций по сложным наборам количественных индикаторов и, как следствие, все более громоздкую отчетность на каждом уровне управления.

Маркетингизация образования, применение рыночных принципов к функционированию образовательных организаций, как доказывают отечественные и международные исследования, в целом снижает социальную эффективность общественной системы образования. Реализация маркетингового подхода с неизбежностью приводит к сегментации (расслоению) этой системы, деформации социальных ролей и связей основных субъектов образования (учителя и ученика), ухудшает равенство шансов на получение качественного образования, вносит неадекватные ориентиры в профессиональную деятельность педагогов и образовательных организаций, порождает искусственные модели управления на всех ступенях образования [2]. Термины «бумажный вал», «бумажный прессинг», «бумажный геноцид», возможно, излишне экспрессивны, но в целом удачно, по нашему мнению, передают социальный характер современных явлений в сфере образования, а потому их корректное определение и рамки применения важны для языка науки, а сами они заслуживают теоретического и эмпирического изучения с позиции разных научных дисциплин.

«Бумажный вал» в контекстах советской и российской публицистики имеет более раннюю историю в сравнении с двумя другими терминами. Он возник и прижился в итоге переноса, сатирической экстраполяции популярного образа «Девятого вала» И.К. Айвазовского на возрастающие время от времени перегрузки в бумажной работе, которые создают хаотичность, нервозность, значительный психологический дискомфорт в жизни трудовых коллективов. Эти перегрузки неодинаково переносятся людьми и группами, они подчас достигают пределов рационального понимания происходящего, корпоративной лояльности и социально-психологической и профессиональной устойчивости работников.

Важной особенностью коннотаций, характеристик *бумажного вала* является то, что этот вал, как и его природный морской прообраз, является по своему происхождению стихийным, цикличе-

ским, преходящим, относительно скоротечным. Он обязательно пройдет и схлынет, что сохраняет надежду на выживание людей, оказавшихся по воле обстоятельств под таким валом. При этом все «странники» в «море» бумажной работы отдают себе отчет, что вслед за временным затишьем следует тщательно готовиться к очередному (сезонному или ситуативному) бумажному валу, чтобы под ним не погибнуть профессионально. Бумажный вал обычно воспринимается ошибочно как спонтанная ситуация, не связанная прямо с интересами каких-либо корпоративных групп. Отчасти поэтому к *бумажному валу* относятся с терпением, как к непреднамеренному бедствию, под которым сильные люди должны выстоять, сохранив свои социальные и профессиональные позиции.

«Бумажный прессинг», в отличие от «бумажного вала», имеющего русскоязычные корни, содержит англоязычное заимствование (pressing – давление, прессинг). Синонимом «бумажного прессинга» мог бы служить «бумажный пресс», однако значение этого словосочетания уже давно привязано к соответствующему агрегату (машине) в полиграфическом производстве. К тому же агрегат воспринимается как пассивный объект, лишь на время включаемый в интересах производственного цикла по воле работника. *Прессинг*, звучащий как один из популярных спортивных терминов, лучше передает активный, субъектный характер ситуаций, в которых одна часть людей применяет давление на сторону соперника, а другая сторона испытывает на себе прессинг и оказывается в роли вынужденно «сопротивляющейся».

Более широким значением обладает термин «информационный прессинг» как общая черта современного этапа развития цивилизации. Информационный прессинг относительно равномерно распространяется на всех людей, испытывающих перегрузки под воздействием поступающей извне информации. Ее растущие объемы связаны с увеличением разнообразия выбора и способов потребления информации, возможностей разных субъектов выступать в качестве источников информации, рекламы, креативных продуктов и образов. Вместе с тем информационный прессинг обостряет проблемы обеспечения информационной и социальной безопасности общества, сохранения физического, психического и социального здоровья человека.

Бумажный прессинг, в отличие от информационного, ассоциируется с устойчивыми социальными практиками, характерными отнюдь не для

всех профессий и групп людей. Такой прессинг чаще испытывают работники отраслей экономики, в которых утвердилась жесткая регламентация профессиональной деятельности, предполагающая документальное сопровождение всех или многих операций производственного цикла. В современной системе образования такой регламентации подвергнут весь образовательный процесс и оценка его результата.

Бумажный прессинг выступает как одна из технологий нового образовательного менеджмента, предполагающая обязательный характер большого объема отчетности нижестоящих субъектов перед вышестоящими в иерархии организации (корпорации). Эта технология дает определенные преимущества *прессингующему* субъекту. Оказываясь под бумажным прессингом, вынужденный обороняться субъект (подчиненный) имеет меньше рабочего времени и сил на концептуальное осмысление корпоративных управленческих практик, принятых управленческих решений, на формулирование критики в адрес вышестоящего (прессингующего) субъекта, тем более на организационное сопротивление непригодным управленческим практикам. Новый образовательный менеджмент, основываясь на бумажном прессинге, практически исключает движение информационных потоков снизу вверх, тем самым ограничивая себя в информации в виде «обратной связи», реакции на принятые управленческие решения, возможно, и не особенно в ней нуждаясь.

Применительно к управленческим практикам в сфере образования с 2016 года в России в оборот входит в переносном смысле термин «*бумажный геноцид*». (Термин зафиксирован на международных научных конференциях («Ценность человеческого бытия», 2016 г., Барнаул; Всероссийский социологический конгресс, 2016 г., Екатеринбург) и публикациях [3, с. 48].) Ключевым в нем является термин «геноцид», учитываемый в международном законодательстве с 1948 г. [4, 5] и обсуждаемый на предмет пересмотра критериев [5, 6], а потому требующий пояснения для применения термина «*бумажный геноцид*» в научных контекстах. Первое расширительное определение термина «геноцид» появилось в Конвенции ООН 1948 года, развивающей ряд предыдущих документов ООН: геноцид – преднамеренный отказ в праве на существование, физическое *уничтожение* или *создание невыносимых условий* для человеческих групп, целиком или частично. Конвенция упоминала пять основных проявлений геноцида, сформулированных по работам Р. Лемкина о ев-

рейском Холокосте. Современные трактовки доказывают, что подобное уничтожение или создание невыносимых условий может затрагивать не только этнические и расовые группы, но и иные, что в практиках геноцида следует различать разные его уровни (стадии) [7], в контексте намерений и скрытия соответствующих практик и ситуаций [6, 7].

В связи с употреблением «бумажного геноцида» в *переносном смысле* для описания системной ситуации в российском образовании отметим три ее характеристики, подтверждающие правомерность употребления термина «геноцид», столь жесткого по своему социальному звучанию и последствиям.

Уничтожение. Бумажный геноцид стал, по данным региональных исследований, препятствием воспроизводства педагогических кадров. В мотивационной сфере социальной группы учительства тяготы бумажного геноцида статистически выходят на место, равное низкой оплате труда в причинах ухода из профессии, что особенно характерно для молодых учителей. Число уходящих именно по этой причине из профессии практически сравнялось с ежегодным пополнением педагогических коллективов образовательных организаций за счет выпускников вузов. Студенты при столкновении с бумажной работой на производственной практике в школе отказываются от карьеры учителя. Катастрофически стареют кадры сельских школ. Тенденция нехватки педагогических кадров стремительно охватывает городские школы в провинции. Дефицит учителей в российской системе образования становится хроническим.

Создание невыносимых условий для группы. Доказано исследованиями, что практическая (функциональная) ненужность, бессмысленность значительной или даже большей части документальной отчетности в системе образования, физическая или техническая невозможность ее качественного составления, неизбежность приписок и «взятия цифр с потолка» вполне осознаются в регионах и образовательных организациях. Работников – от воспитателей детских садов до профессоров вузов – заставляют составлять и расписываться под многими учебно-методическими документами (в том числе рабочими программами дисциплин, фондами оценочных средств), в корректность, целесообразность и осуществимость которых они сами не верят. Это осознание ложится морально-психологическим грузом на профессиональное самочувствие и социальные отношения в трудовых коллективах, порождает конфликтные ситуации и массовое профессиональное выгорание работников.

Преднамеренность действий. Вряд ли кто-то допускает мысль о том, что бумажный геноцид возникает спонтанно, например, в связи с волновым характером развития больших социальных организаций. Он связан с принятой стратегией маркетинга образования, из которой вырастает новый образовательный менеджмент, игнорирующий состояние и интересы отрасли [1]. Высокий властный потенциал этого менеджмента опирается на продолжающие расти и без того огромные объемы документальной отчетности, управленческих информационных потоков. Такими объемами обосновывается численность персонала и бюджет органов управления, ресурсы для аутсорсинговых структур, зарабатывающих на переработке информации и поддержании ее объемов, обеспечивается нормативный контроль над нижестоящими уровнями отрасли.

Таким образом, *бумажный геноцид* в образовании подразумевает осознанное и скоординированное действие, выраженное в наращивании управленческими органами объемов документальной отчетности, слабо связанной с реальными организациями и содержаниями образовательного процесса и профессиональной деятельности педагогов, тем не менее, обязательной для нижестоящих образовательных организаций. Это наращивание доводит нижестоящие организации и массы работников до положения, при котором:

- регулярно нарушается соблюдение интересов нижестоящих региональных, муниципальных систем образования, образовательных организаций и масс работников, которые оказывают непубличное

сопротивление в виде формального отношения к запрашиваемой отчетности;

- качественное выполнение профессиональных функций осуществляется на пределе человеческих возможностей или становится невозможным;
- возникают систематические, но не учитываемые трудовые перегрузки, не оплаченные объемы работ, стрессы персонала;
- принимаемые управленческие решения и меры образовательной политики воспринимаются на нижестоящих уровнях системы как необоснованные, даже если таковыми являются;
- эффективность управления образованием не растет, усиливается риск ее снижения.

Итак, применение термина «бумажный геноцид» видится в определенной степени обоснованным в новейших реалиях российской системы образования. Наряду с терминами «бумажный вал», «бумажный прессинг» данный термин применяется в целях заострить внимание специалистов в области управления образованием, педагогических работников, широких кругов общественности на таких проблемах, которые создают барьер на пути сохранения и инновационного развития российской системы образования.

Содержание понятий «бумажный вал», «бумажный прессинг» и «бумажный геноцид» заслуживает дальнейшего изучения во взаимосвязи с анализом соответствующих социальных практик функционирования муниципальных и региональных систем образования, образовательных организаций, профессиональной деятельности педагогов, системы государственно-общественного управления образованием.

Библиографический список

1. Осипов, А. М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании / А. М. Осипов // Социологические исследования. — 2017. — № 8.
2. Глобальная социология образования: зарубежный опыт решения социальных проблем в сфере образования / под ред. А. М. Осипова. — Великий Новгород : НовГУ, 2015.
3. Осипов, А. М. Учителство в контексте социологии образования / А. М. Осипов // Социологические исследования. — 2018. — № 3.
4. Office of the High Commissioner for Human Rights. «Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide» [Electronic resource]. — URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/crimeofgenocide.aspx>.
5. Арутюнян, М. А. Понятие геноцида / М. А. Арутюнян // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 3. — С. 403–414.
6. Stanton, G. H. The 8 Stages of Genocide 1996. Paper presented at the US Department of State [Electronic resource] / G. H. Stanton. — URL: <http://genocidewatch.net/2013/03/14/the-8-stages-of-genocide/>
7. Bailey, B. A Proposal for a New Definition of Genocide / B. Bailey // Undergraduate Research Journal at UCCS. — 2008. — Vol. 1 (2).